

© 2002 г. Й. НЁРГОР-СЁРЕНСЕН

**РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С МЕСТОИМЕНИЯМИ НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)**

В настоящей статье рассматриваются референциальные свойства некоторых русских местоимений в функции анафорических слов (ср. [Арутюнова 1998; Булыгина, Шмелев 1991; Падучева 1981; 1982; Шведова, Белоусова 1995; Шмелев 1992; 1996; КОНСБЯ 1979]). Особое внимание уделяется указательному местоимению *этот* и личному местоимению 3-го лица *он* (*она*, *оно*, *они*). Выбор этих местоимений не случаен. Можно сказать, что они являются основными анафорическими местоимениями русского языка. Это утверждение основывается не только на том, что названные местоимения употребляются чаще каких-либо других местоимений, выполняющих анафорическую функцию, но чаще и на том, что, как анафорические слова, местоимения *он* (*она*, *оно*, *они*) и *этот* имеют наиболее обобщенное значение. Другим анафорическим местоимением как, например местоимениям *тот*, *такой*, свойственны более специализированные функции.

В дальнейшем обсуждаются некоторые до сих пор редко отмечавшиеся случаи функционирования личного местоимения 3-го лица и указательного местоимения *этот* как референциальных слов. В конце статьи русские местоимения сопоставляются с соответствующими указательными и личными местоимениями некоторых других славянских языков. Отмечаются существенные различия в функции формально тождественных местоимений разных славянских языков. Обращается также внимание на то, что эти различия не совпадают с историко-генетически обоснованным подразделением славянских языков на восточнославянские, западнославянские и южнославянские языки. В конце статьи анализируемые явления получают типологическое обоснование.

В традиционных работах по русскому языку личное местоимение 3-го лица описывается как референциальное, а в тексте еще и как кореференциальное. См. пример (1), где местоимение *он* указывает на тот же референт, что и антецедент *Андрея*.

- (1) Ласки от *Андрея* Настена по-прежнему видела немного, но и дурить *он* стал заметно меньше (В. Распутин).

Примеры такого типа настолько частотны, что создается впечатление, будто личное местоимение в анафорической функции всегда кореференциально. Однако некоторые лингвисты, и в частности, Е.В. Падучева, обращали внимание на более редкие случаи употребления этого местоимения как некорреференциального. Е.В. Падучева [Падучева 1985: 147–148] приводит ряд примеров, в том числе примеры (2) – (4).

- (2) Те, у кого нет *велосипеда*, мечтают *его* завести.
 (3) Правда, в *Вентимилье* пока нет *велосипедной трассы*, но уже собираются деньги для *ее* постройки.
 (4) Иван был *тракторист*, каким *его* рисуют на обложках журналов (Ф. Абрамов).

К примерам Е.В. Падучевой можно добавить пример (5).

- (5) Государственная власть парализована. В стране нет *президента*. Его выборы так и не удалось провести (Правда, 1988).

Е.В. Падучева обращает внимание на две особенности личного местоимения 3-го лица в примерах типа (2) – (5). Во-первых, несмотря на то, что в анализируемых примерах нелегко указать на антецедент (см. слова, отмеченные курсивом), местоимение не указывает на тот же самый референт, что антецедент. Иными словами, оно не является кореференциальным. К этому можно добавить, что вообще представляется спорным вопрос о том, является ли местоимение референциальным в таких случаях, и если его считать референциальным, то в каком смысле? Эта проблема будет обсуждаться ниже. Во-вторых, Е.В. Падучева утверждает, что роль местоимения в примерах этого типа "сводится к тому, что оно заменяет антецедент, т.е., всего лишь дает возможность избежать повторения слов". На этой основе она – по аналогии с английским термином "pronouns of laziness" предложенным Гичем [Geach 1962], называет их *местоимениями повтора* [Падучева 1985: 147].

Таким образом, Е.В. Падучева убедительно описывает некоторые характерные черты данного употребления личного местоимения 3-го лица. Однако она не обращает внимание на одну, на наш взгляд, очень важную особенность данных примеров, а именно на характер антецедентов. В примерах (2), (3) и (5) антецедент – существительное в родительном падеже при отрицании. При таком употреблении родительный падеж указывает на отсутствие или несуществование данного объекта в описываемой ситуации. В примере (4) антецедент выполняет синтаксическую роль именного предиката, что, как правило, связывается с неререференциальностью. Оказывается обоснованным заключение о том, что в примерах (2) – (5) антецеденты не являются референциальными в том конкретном смысле, в каком является референциальным антецедент примера (1).

Можно заключить, что хотя для местоимения 3-го лица антецедент обязателен, референциальность в традиционном смысле для него необязательна. Таким образом, русское местоимение 3-го лица отличается от соответствующих местоимений английского, немецкого, французского, скандинавских и многих других языков. Лингвисты, которые исследовали подобные примеры, чаще всего рассматривали их как исключения, как изолированные отклонения от общих правил употребления данного местоимения. Мы, однако, будем исходить из того, что эти, на первый взгляд, незначительные различия между языками отражают существенные расхождения. Это связано с тем, что референтность, с моей точки зрения, не универсальное понятие. Нельзя, конечно, представить себе язык без референциальной системы. Однако из этого не следует, что понятие референтности можно определить независимо от специфики отдельного языка.

Чтобы обосновать этот тезис, мы ниже сопоставим материал русского языка с материалом некоторых других славянских языков, но сначала проанализируем еще несколько примеров на русском языке. Выше мы уже рассмотрели пример, в котором роль именного предиката выполняет антецедент, см. пример (4). Однако и само местоимение может употребляться в функции предиката в русском языке, см. примеры (6) – (9).

- (6) Обсуждение на постоянных комиссиях Верховного Совета СССР проходит так, что позволяет любую проблему высветить с разных сторон. Для этого роль оппонента выполняет содокладчик, руководитель совместной комиссии. *Им* был депутат Е. Муравьев (Известия, 1988).
- (7) И поэтому потребовались качественно новые энергетические источники. *Ими* и стали атомные электростанции (Знание–сила, 1989: 1).
- (8) Дед и впрямь казался ему старым, человеком другого века (он и был *им*),... (Л. Зорин).

(9) И хотя она уже давно по должности не комиссар, но она остается *им* по званию.

С семантической точки зрения эти примеры представляют собой два типа предложений. В примерах (6) и (7) местоименные формы *им* и *ими* входят в предложения *идентификации*. Рассмотрим подробнее пример (6): Антецедентом местоимения *им* является существительное предыдущего предложения *содокладчик*. Оно имеет референциальный характер; поэтому и местоименную форму *им* следует считать референциальной, точнее сказать кореференциальной, так как она указывает на тот же референт, что и существительное *содокладчик*. В предложении, в которое входит местоимение *им*, подлежащее *депутат Е. Муравьев* тоже референциально. Коммуникативная функция этого предложения состоит в том чтобы *идентифицировать* референт именного предиката (т.е. местоимения *им*) с референтом подлежащего. В этом и заключается специфика предложения идентификации.

Аналогично можно интерпретировать и пример (7). Как местоименная форма *ими*, так и ее антецедент *новые энергетические источники* являются референциальными. Подлежащее последнего предложения *атомные электростанции* тоже референциальное выражение, и коммуникативная функция этого предложения состоит в том, чтобы уподобить референты именного предиката и подлежащего.

В примерах (8) и (9) представлены предложения с местоименной формой *им* другого типа, а именно предложения *характеризации*. Формально предложение характеристики отличается от предложения идентификации тем, что не только само местоимение, но и его антецедент являются именными предикатами. Следует также обратить внимание на то, что они являются предикатами другого семантического типа, а именно предикатами характеризующими и, следовательно, неререференциальными. Обратимся к примеру (8). Здесь антецедентом следует считать *старым человеком другого века*, т.е. составное характеризующее, явно неререференциальное, выражение. Указывая на неререференциальный антецедент, местоименная форма *им* тоже воспринимается как неререференциальная.

Пример (9) можно интерпретировать аналогичным образом. Он приведен для того, чтобы показать, что подлежащее (*она*) и именной предикат (*им*) не обязательно характеризуются одним и тем же родом. Местоимение *им* согласуется в роде с именным предикатом предыдущего предложения *комиссар, который, следовательно, является его антецедентом*.

Коммуникативная функция предложения характеристики с личным местоимением 3-го лица в роли именного предиката состоит в том, чтобы подтвердить характеристику, которая уже осуществилась или была предложена в предыдущем контексте. Это проявляется в актуальном, т.е. *тема-рематическом* членении предложения. В предложении характеристики и подлежащее, и именной предикат принадлежат к теме, а ремой является или сама связка [см. пример (8)], или элемент, который, входя в предикативную группу, уточняет данную в предложении характеристику подлежащего [см. пример (9)]. Тема-рематическое членение, соответственно, отражается в обязательном фразовом ударении или на связке [в примере (8) *был*], или на уточняющем выражении [в примере (9) *по званию*]. В предложении же идентификации темой является личное местоимение 3-го лица, а ремой подлежащее, так как последнее указывает на раньше не упомянутый референт, с которым идентифицируется референт местоимения [ср. фразовое ударение на словах *Муравьев* в примере (6) и *электростанции* в примере (7)].

Итак, о местоимении 3-го лица в анафорической функции можно заключить, во-первых, что оно не обязательно референциально, а во-вторых, что для его употребления обязательен антецедент.

Обратимся к другому основному анафорическому местоимению, а именно к указательному местоимению *этот*. Нужно подчеркнуть, что в настоящей статье будет учитываться только анафорическая, а не дейктическая функция этого местоимения.

Как и в проведенном выше анализе личного местоимения, начнем со стандартного, самого частотного употребления указательного местоимения [см. например (10)].

(1) Для Андриана дорога в Кислицы... показалась долгой. Пыльная дорога *эта* нырнула в деревушки (Спутник, 1986: 6).

Здесь указательное местоимение сопровождает лексический повтор. И antecedent, и словосочетание, содержащее местоимение, несомненно референциальны.

Возникает вопрос, обязательно ли характеризуется референтностью указательное местоимение – в противоположность личному местоимению 3-го лица, которое в некоторых своих употреблениях является нерепренциальным. В лингвистической литературе иногда выдвигается тезис, что во всяком случае словоформу *это* можно употреблять как нерепренциальное слово [см. пример (11)].

(11) Результат налицо: прирост концентрации фреонов сейчас не пятнадцать процентов ежегодно, как *это* было лет десять назад, а всего пять (Знание–сила, 1988: 1).

В некоторых примерах можно заменить личное местоимение 3-го лица в функции предиката указательным местоимением *это*. См. пример (6а), представляющий собой модификацию примера (6).

(6а) Обсуждение на постоянных комиссиях Верховного Совета СССР проходит так, что позволяет любую проблему высветить с разных сторон. Для этого роль оппонента выполняет содокладчик, руководитель совместной комиссии. *Это* был депутат Е. Муравьева.

Такое употребление словоформы *это* иногда сравнивается с так называемым формальным подлежащим в германских и романских языках, например *it*, *that* в английском языке, *das* в немецком языке, *il* во французском языке [Pisarkowa 1969: 43, Nilsson 1982: 67–68]. Такие формальные подлежащие нельзя характеризовать как референциальные. Однако в примере (11) местоимение *это* занимает позицию референциального слова. Правда, для него трудно указать конкретное слово – antecedent. В отличие от личного местоимения 3-го лица, местоимение *это* не просто повторяет референтность какого-то конкретного существительного (или словосочетания с существительным в роли главного члена). Оно как бы повторяет всю информацию о референте, данную в контексте, а это в примере (11) включает значение всего предыдущего предложения.

Пример (6а) можно интерпретировать аналогичным образом. Здесь местоимение *это* занимает позицию референциального слова в предложении идентификации. И (6), и (6а) представляют собой предложения идентификации. Разница заключается в следующем: в отличие от местоимения *это* у местоимения *им* всегда есть легко идентифицируемый antecedent в виде конкретного существительного (или эквивалентного существительному слова или словосочетания). Так, в примере (6) antecedentом является существительное предыдущего предложения *содокладчик*. Для местоимения *это* труднее указать конкретное слово-antecedent. Правда, в (6а) *это* указывает на тот же самый референт, что и существительное *содокладчик*, но, в отличие от личного местоимения *им*, оно не только повторяет референтность этого существительного. Как и в примере (11), местоимение *это* повторяет всю информацию о референте, данную в контексте, а это включает не только значение слова *содокладчик*, но и содержание приложения *руководитель совместной комиссии* и вообще все, что сообщается об этом референте в предыдущем предложении.

На наш взгляд, такая трактовка также интуитивно оправдана. Более широкая референтность указательного местоимения и вытекающая из этого невозможность четко ограничить его antecedent выражается в том, что местоимение ни с чем не согласуется. Не имея определенного antecedent, с которым можно было бы согласоваться, оно выступает в максимально немаркированной форме, а именно, в форме единственного числа среднего рода.

В подтверждение данного тезиса приведем пример предложения идентификации, в которое входят и личное местоимение 3-го лица, и указательное местоимение *это*. см. пример (12).

(12) По этим косам Гарусов узнал свою будущую жену, девочку в красной шубке и белых ботинках, которая спускалась когда-то по лестнице с разноцветными стеклами. Он подошел поближе – и точно *это* была *она*. ...

Оба местоимения анафорические. Аналогично выше приведенным примерам их можно интерпретировать следующим образом. Антецедентом личного местоимения *она* следует считать словосочетание предыдущего контекста *свою будущую жену*. Для местоимения *это*, с другой стороны, невозможно указать конкретный антецедент. Местоимение *это* скорее указывает на зрительное впечатление образа молодой женщины, возникающее у *Гарусова* и описываемое в предыдущем контексте. Это зрительное впечатление представляется в предыдущем предложении как реально существующее, однако на него указывает все описание, а не какое-то конкретное существительное или словосочетание. Коммуникативная функция предложения *...и точно это была она...* состоит в том, чтобы соотнести зрительное впечатление, представленное местоимением *это*, с референтом словосочетания *свою будущую жену*, представленным местоимением *она*.

Итак, указательное местоимение *этот*, включая словоформу *это*, хотя и не обязательно указывает на антецедент, является тем не менее обязательно референциальным. Признаки двух проанализированных анафорических местоимений можно обобщить следующим образом:

Личное местоимение 3-го лица:	Необязательно референциальное
	Антецедент обязателен
Указательное местоимение <i>этот</i>	Обязательно референциальное
	Антецедент необязателен

Возникает вопрос, нет ли противоречия в заключении о том, что личное местоимение 3-го лица – самое распространенное и нейтральное анафорическое выражение, является обязательно референциальным?

Данное заключение основано на традиционном толковании понятия референтности. Однако, на наш взгляд, такое толкование недостаточно дифференцировано для описания референтности в русском языке. По нашему убеждению, референтность не является универсальным понятием. С определенными оговорками можно сказать, что разные языки характеризуются разными уровнями референтности. Таким образом, не исключено, что и личное местоимение окажется последовательно референциальным, если исходить из толкования референтности, которое учитывает особенности русского языка.

Для того, чтобы точнее определить референтность в русском языке, следует обратиться к грамматической системе русских существительных. Русским существительным присущи четыре грамматические категории, обладающие следующими свойствами:

<i>Грамматические категории</i>	<i>Характерные свойства</i>
Род, одуш./неодуш.	Лексически обусловленные (ингерентные)
Число	Морфологически обусловленные (флективные); Сохраняющиеся в памяти
Падеж	Морфологически обусловленные (флективные): Не сохраняющиеся в памяти

Исходя из этого можно определить, какова общая роль из названных категорий в грамматической системе. Категории рода и одушевленности/неодушевленности входят

в лексическое значение существительного как неизменяемые компоненты. Иными словами, они способствуют формированию идеи о денотате, т.е., концепте, обозначаемом существительным независимо от контекста. Денотаты в сущности своей неактуализованные элементы значения. Они входят в лингвистическую компетенцию носителей языка как элементы, из которых по мере потребности можно построить текст. Если носитель языка решается ввести концепт-денотат в какой-то конкретный дискурс, он должен добавить число, единственное или множественное, к существительному, обозначающему этот денотат. Таким образом, категория числа создает из концепта-денотата *элемент дискурса*. Элемент дискурса представляет собой воображаемую единицу, на которую участники дискурса (собеседники) обращают внимание. Эта единица вкладывается в воображение собеседников как нечто, что можно упоминать повторно в рамках данного дискурса, как нечто, что каждый раз сопровождается фиксированным числом, которое обеспечивает идентификацию данной единицы. Таким образом, можно сказать, что значение категории числа сохраняется в памяти вместе с элементом дискурса. Однако элемент дискурса остается воображаемой единицей в том смысле, что он не обязательно воспринимается как участник какой-либо из тех ситуаций, которые упоминаются в высказываниях (см. также [Nørgård-Sørensen 1997]).

Наконец, категория падежа может из элемента дискурса создать *элемент текстового мира*. Элемент текстового мира – это единица, которая воспринимается как существующая, присутствующая по крайней мере в одной из тех ситуаций, которые создаются высказываниями текста, и которые вместе взятые представляют собой *текстовый мир*. С другой стороны, само собой разумеется, что значение падежа связано с функцией существительного в данной синтаксической конструкции и, следовательно, не сохраняется в памяти собеседников.

Итак, в русском языке можно различать два типа упоминающихся в речи элементов: элементы дискурса и элементы текстового мира (см. также [Nørgård-Sørensen 1998a; 1998b]). В языках, для которых свойственна вышеописанная структура грамматических категорий, принципиально возможно различение двух слоев референтности. На наш взгляд, эта возможность осуществлена в русском языке, где, как уже было показано, основные анафорические выражения обладают разными сферами референтности. Это можно проиллюстрировать следующим образом:

<i>Элемент</i>	<i>Созданный категорией</i>	<i>Референциально-анафорическое выражение</i>
дискурса	числа	Личное местоимение 3-го лица
текстового мира	падежа	Указательное местоимение

Данную схему следует понимать так, что личное местоимение может указывать на любой элемент дискурса, в том числе и на все элементы текстового мира, тогда как указательное местоимение указывает исключительно на элементы текстового мира. Иными словами, у личного местоимения более широкая сфера референтности, включающая сферу референтности указательного местоимения.

На основе этой теории можно объяснить рассмотренные примеры. Применительно к примерам (2) – (5) и (8) – (9) мы установили, что личные местоимения 3-го лица *нереференциальны*. Теперь можно уточнить, а скорее скорректировать этот вывод: личные местоимения на самом деле являются референциальными, только не в традиционном смысле, а скорее в рамках более широкого понимания референтности – по отношению к элементам дискурса. Когда в первой половине настоящей статьи речь шла о референтности в традиционном смысле, имелась в виду референтность в узком смысле, т.е. референтность по отношению к текстовому миру.

Подведем итоги сказанного. Выше мы обратили внимание на то, что в некоторых случаях невозможно воспринимать личное местоимение 3-го лица как референциальное в традиционном смысле. Можно выделить два типа таких случаев на основе характера антецедента:

А. Антецедент – существительное в родительном падеже, выражающем отсутствие / несуществование: см. примеры (2), (3), (5).

Б. Антецедент – характеризующий именной предикат: см. примеры (4), (8), (9).

Как уже было сказано, в этих случаях речь идет не о нереферентности, а скорее о референтности по отношению к текстовому миру, т.е. к более широкой сфере референтности. Для наших целей еще важно подчеркнуть, что в примерах (2) – (5) и (8) – (9) можно употреблять только личное местоимение 3-го лица, а не указательное местоимение.

Возникает вопрос: Почему в русском языке различается два уровня референтности? По нашему убеждению, это различие возникло не случайно. Обратимся снова к категории падежа. В русском языке при отрицании для родительного падежа характерна функция указания на отсутствующий/несуществующий элемент, см., например, антецеденты в примерах (2), (3) и (5). В этой функции родительный падеж противопоставляется именительному и винительному падежам, которые употребляются в соответствующих конструкциях без отрицания. Это значит, что в русском языке грамматикализована оппозиция существования/несуществования (в смысле присутствия/отсутствия в описываемой ситуации).

На основе этого факта можно предложить следующий ответ на заданный выше вопрос: два уровня референтности отражают классификацию упоминаемых в тексте единиц на *существующие* (т.е. присутствующие хотя бы в одной из тех ситуаций, которые описываются в высказываниях текста) и *несуществующие*, т.е. воображаемые единицы, которые, хотя и упоминаются в дискурсе, не воспринимаются как присутствующие в какой-либо из описанных ситуаций. Типичными примерами отсутствующих (т.е. в текстовом мире несуществующих) единиц являются, с одной стороны, референты существительных в родительном падеже при отрицании, с другой стороны, референты существительных в роли характеризующего именного предиката, а это как раз такие существительные, которые могут быть антецедентами личного местоимения 3-го лица, а не указательного местоимения.

Таким образом, референциальную систему основных анафорических местоимений в русском языке можно представить следующим образом:

Сфера референтности

	<i>Элементы дискурса</i>	<i>Элементы текстового мира</i>
Личное местоимение 3-го лица	+	+
Основное указательное местоимение		+

Это заключение вызывает следующий вопрос: почему такое существенное различие в сфере референтности находит только ограниченное отражение в употреблении данных местоимений? На первый взгляд было бы естественным ожидать, что это различие представлено широко, т.е. не только в сравнительно редких конструкциях с антецедентом в родительном падеже при отрицании или с антецедентом в функции характеризующего именного предиката.

На этот вопрос можно дать очень простой ответ. В роли антецедента анафорического выражения выступают не любые существительные, а только такие, которые занимают или собственно тематическую, или собственно рематическую позицию.

Остальные, коммуникативно более периферийные существительные не в состоянии выполнять функцию антецедента. Этот вывод подтверждается разными исследованиями анафорических отношений. Например, Т. ван Дейк и В. Кинч в 1983 г. описывают эксперимент на материале английского языка, из которого однозначно вытекает, что в функции антецедента личного местоимения 3-го лица (*he, she, it, they*) выступают только собственно тематические или собственно рематические существительные (в первую очередь, собственно тематические существительные). Еще Т. Бергер [Berger 1988: 22–31; 1991] в своих исследованиях условий употребления анафорического *он* в русском языке показал, что при немаркированном порядке синтаксических единиц, т.е. *S-V-O-Adv*, антецедентом личного местоимения 3-го лица может служить существительное в любой из трех возможных синтаксических функций. Автор приводит, в частности, примеры (13а) и (13б).

(13а) *Окунев привез своего друга к себе на квартиру. В доме Совета у него была отдельная комната. (Островский)*

(13б) *Окунев привез своего друга к себе на квартиру. Она находилась на пятом этаже нового дома.*

Как следует из этих примеров, при немаркированном порядке синтаксических единиц существительное может выполнять функцию антецедента личного местоимения 3-го лица независимо от своей синтаксической функции [как подлежащее или дополнение, см. пример (13а), который принципиально допускает оба толкования, или как входящее в состав адвербиального оборота, см. пример (13б)]. С другой стороны, как дальше показывает Т. Бергер, при маркированном порядке синтаксических единиц, например *S-V-Adv-O*, круг потенциальных антецедентов более ограничен [см. пример (14)].

(14) *Окунев привез к себе на квартиру своего друга. *Она находилась на пятом этаже нового дома.*

Пример (14) отмечен звездочкой, так как он содержит недопустимую анафорическую связь и, следовательно, представляет собой неправильную конструкцию. Недопустимость данной анафорической связи объясняется по-нашему тем, что при маркированном порядке синтаксических единиц сфера ремы значительно суживается. В состав ремы входит лишь конечная синтаксическая единица этот *эпюд*, тогда как единица *при учителе* остается за рамками и собственно темы, и собственно ремы. С другой стороны, высказывание с немаркированным порядком синтаксических единиц, см. примеры (13а) и (13б), характеризуется более широкой ремой, охватывающей все, что не входит в состав темы.

Исходя из этого можно заключить, что в функции антецедента анафорического выражения выступают только собственно тематические и собственно рематические существительные. Какими бывают собственно тематические и собственно рематические существительные? Едва ли есть сомнение в том, что в большинстве случаев такие существительные являются референциальными в традиционном смысле, т.е. по отношению к текстовому миру. Единственные исключения, по-видимому, составляют как раз существительные в родительном падеже при отрицании и существительные в функции характеризующего именного предиката. Они тоже регулярно употребляются как собственно тематические или собственно рематические. Иными словами, представляется совершенно естественным, что отмеченное существенное различие в сфере референтности двух основных анафорических местоимений – личного местоимения 3-го лица и указательного местоимения *этот* – проявляется лишь в этих сравнительно нечастых случаях.

Это заключение позволяет уточнить предложенную теорию. Выше мы установили, что различие двух сфер референтности у основных анафорических местоимений следует толковать как отражение грамматикализованного в падежной системе выражения оппозиции существования/несуществования. Сейчас можно добавить, что такой

параллелизм в грамматической системе, а следовательно и предложенное различие двух сфер референтности релевантно только для тех существительных, которые являются потенциальными антецедентами анафорических выражений. Вопросы об определении референциальных свойств остальных существительных мы касаться не будем. Отметим лишь, что за рамками потенциальных антецедентов анафорических выражений несомненно целесообразно опираться на традиционное различие референциальных и неререференциальных слов. Как следует из вышесказанного, предложенное различие двух сфер референтности релевантно только для потенциальных антецедентов анафорических местоимений.

Для подтверждения предложенной теории рассмотрим аналогичные конструкции в некоторых других славянских языках. Ниже приводятся примеры на польском, чешском, сербском и болгарском языках – как примеры из оригинальных текстов на указанных языках, так и переводы приведенных выше примеров на русском языке. Как известно, среди названных языков польский, чешский и сербский характеризуются грамматической структурой, которая ведет свое происхождение из старославянского языка и близка к структуре русского языка. Болгарский же язык, принадлежащий как и македонский язык к типологически обособленной группе балканских языков, резко отличается от остальных славянских языков. Он характеризуется грамматической структурой иного типа и другим набором грамматических категорий.

Анализ основных анафорических местоимений в славянских языках показывает, что болгарский язык и здесь располагает особой системой. Это наблюдение не вызывает удивления. Однако в других рассматриваемых славянских языках также отмечались некоторые существенные различия в употреблении основных анафорических местоимений.

Для освещения этого вопроса в типологическом свете рассмотрим материал отдельных языков. Ниже приводятся примеры на польском языке, из которых некоторые представляют собой переводы приведенных выше примеров на русском языке (при возможности употребления нескольких анафорических выражений приводятся варианты в квадратных скобках).

- (15) Ci, którzy nie mają roweru, marzą o *jego* nabyciu [Перевод примера (2)].
- (16) Rzeczywiście, w Ventimiglii nie ma jeszcze toru rowerowego, ale zbiera się już pieniądze na *jego* budowę [Перевод примера (3)].
- (17) W roli oponenta występuje wykładowca, przewodniczący wspólnej komisji. Był *nim* [to] poseł E.M. [Перевод конца примера (6)].
- (18) I dlatego potrzebowano nowych jakościowo źródeł energii. Stały się *nimi* elektrownie atomowe [Перевод примера (7)].
- (19) Uważał się za wielkiego filozofa, i *nim* rzeczywiście był.
- (20) Chcę być prezydentem i będę *nim* [Rothstein 1993: 743].

В этих примерах отмечается фактически полный параллелизм с русским языком. Как и в русском языке, для предложения идентификации [см. пример (17)] характерен выбор между согласуемой формой личного местоимения 3-го лица и несогласуемой формой указательного местоимения (*to*). Выбор определяется теми же семантическими факторами, что и в русском языке. Наконец, как и в русском языке, в рассматриваемых конструкциях личное местоимение нельзя заменить каким-либо другим анафорическим выражением, в том числе и указательным местоимением.

Итак, польский язык характеризуется теми же двумя сферами референтности, что и русский язык. Так как польскому языку также свойственно выражение оппозиции существования/несуществования с помощью падежной системы [см., например, антецеденты *roweru* в примере (15) и *toru rowerowego* в примере (16)], рассмотренный материал подтверждает вывод о семантической связи между грамматикализацией этой оппозиции и различием двух сфер референтности в области у потенциальных антецедентов анафорических выражений.

Рассмотрим материал чешского языка.

- (21) Ti, kteří nemají kolo, sní o tom si *ho* pořídit [Перевод примера (2)].
 (22) Je pravda, že ve Ventimiglie není dráha pro kola, ale už se vybírají peníze na *její* stavbu [Перевод примера (3)].
 (23) Roli oponenta vyplňoval přednášející, předseda společného vyboru. *Tím* byl [Byl *jím*] [Byl *to*] delegát E.M. [Перевод конца примера (6)].
 (24) Děd mu připadal starý(m), člověkem jiné doby (a *tím* také [*jímž* i] byl) [Перевод примера (8)].
 (25) A proto bylo zapotřebí kvalitativně nových energetických zdrojů. *Těmi* se staly [Staly se *jimi*] atomové elektárny [Перевод примера (7)].

Приведенные примеры обнаруживают существенную разницу между чешским языком, с одной стороны, и русским и польским языками, с другой. В чешском языке в функции именного предиката употребляется не только личное местоимение, но и указательное местоимение *ten*. Это свидетельствует о том, что сфера референтности чешского указательного местоимения шире чем сфера референтности соответствующих местоимений русского и польского языков. Совпадая со сферой референтности личного местоимения 3-го лица, она охватывает и элементы дискурса, и элементы текстового мира:

Сфера референтности

	Элементы дискурса	Элементы текстового мира
Личное местоимение 3-го лица	+	+
Основное указательное местоимение	+	+

Если это так, возникает вопрос: почему указательное местоимение не употребляется в предложениях типа (21) – (22), т.е. в предложениях, где антецедентом анафорического выражения является существительное, указывающее на несуществующий предмет. Ответить на этот вопрос относительно просто. В отличие от соответствующих местоимений русского и польского языков, указательное местоимение чешского языка *ten* широко употребляется как маркер *темы*, особенно при введении новой текстовой темы. Эту функцию не может выполнять анафора существительного, указывающего на несуществующий предмет. Таким образом, совпадением сфер референтности обоих рассматриваемых местоимений можно объяснить их употребление во всех вышеприведенных примерах. В чешском языке распределение личного и указательного местоимений определяется тема-рематической структурой, а не сферами референтности.

Важно еще обратить внимание на то, что современный чешский язык не характеризуется выражением оппозиции существования/несуществования с помощью падежной системы. См. примеры (21) – (22), где антецеденты *kolo* и *dráha (pro kola)*, указывающие на несуществующие предметы, выполняют функцию подлежащего и, следовательно, употребляются в именительном падеже, как и в соответствующих конструкциях без отрицания. Таким образом, рассмотренный материал чешского языка служит дополнительным, хотя и негативным подтверждением тезиса о взаимосвязи между различием сфер референтности двух основных анафорических местоимений и выражением оппозиции существования/несуществования с помощью падежной системы.

Рассмотрим материал сербского языка:

- (26) Oni koji nemaju bicikla maštaju da *ga* nabave [Перевод примера (2)].
 (27) Istina, u Ventimilji još nema biciklističke staze, ali već se skupljaju sredstva za *njenu* izgradnju [Перевод примера (3)].

- (28) Državna vlast je paralizovana. Zemlja je bez predsednika. *Njegov* izbor se nije mogao sprovesti. [Перевод примера (5)].
- (29) – Nema auto.
– *Zašto ga ne kupiš?* [Browne 1993: 364].
- (30) Ulogu oponenta vrši koreferent, predsednik zajedničke komisije. *To* je bio delegat E.M. [Перевод конца примера (6)].
- (31) Dedu mu se učinio starim, kao čovek iz nekog drugog veka (*što* je on i bio) [Перевод примера (8)].
- (32) I zbog toga su bili potrebni suštinski novi energetske izvori. Upravo *tačvima* su se pokazale atomske centrale [Перевод примера (7)].

В первой группе примеров, а именно в примерах (26) – (29), обнаруживается та же самая картина, что и в русском и польском языках. В функции анафоры существительного, обозначающего отсутствующий предмет, употребляется исключительно личное местоимение 3-го лица. Это свидетельствует о том, что в сербском языке, как и в русском и польском языках, различаются сферы референтности двух основных анафорических местоимений.

С другой стороны, как следует из второй группы примеров, т.е. примеров (30) – (32), в функции именного предиката не употребляется ни личное местоимение, ни склоняемая форма основного указательного местоимения *taj*, а только некоторые специализированные в функции именного предиката местоимения, включая максимально немаркированную форму указательного местоимения *to* (ср. русское *это*, польское и чешское *to*). Это, однако, объясняется не сферами референтности названных местоимений, а скорее определенными общими ограничениями употребления личного местоимения 3-го лица в сербском языке. Как отмечает В. Браун [Browne 1993: 364], личное местоимение не употребляется в функции анафорического выражения, если антецедентом является указательное, вопросительное или неопределенное местоимение в среднем роде, целое предложение или инфинитив, см. примеры (33) и (34).

(33) *Ovo je za tebe. Zadrži to.*

(34) *Marija voli plesati. I ja to volim.*

Оказывается, что примеры (30) – (32) отражают еще одно ограничение в употреблении указательного местоимения в сербском языке. Оно также не употребляется, если антецедентом является именная предикат. Однако этот факт следует толковать, наряду с примерами В. Брауна, как ограничение в анафорической функции данного местоимения, а не как проявление его референциальных свойств.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что сербский язык – как и близко родственные ему языки – характеризуется теми же двумя сферами референтности, что и русский и польский языки. Для сербского языка также характерно выражение оппозиции существования/несуществования с помощью падежной системы, см. антецеденты *bicikla* в примере (26) и *biciklističke staze* в примере (27). Правда, в современном сербском языке выражение этой оппозиции в основном ограничено предложениями с глаголом *nemati* в функции предиката, т.е. такими предложениями, основная коммуникативная функция которых как раз и состоит в утверждении существования или несуществования чего-либо. Однако для наших целей принципиально неважно, в каких рамках выражается данная оппозиция. Важно лишь то, является ли его выражение обязательным, иными словами, представляет ли она собой грамматикализованную оппозицию.

Таким образом, материал сербского языка также подтверждает вывод о неслучайности связи между различием сфер референтности двух основных анафорических выражений и грамматикализацией оппозиции существования/несуществования.

Рассмотрим, наконец, материал болгарского языка:

- (35) *Тези, които нямат велосипед, мечтаят да се снабдят с такъв* [Перевод примера (2)].

- (36) Държавната власт е парализирана. В страната няма президент. Изборите за *президент* [за *такъв*] така и не можах да бъдат проведени [Перевод примера (5)].
- (37) Ролята на опонента се изпълнява от съдокладчика, ръководител на съвместната комисия. *Това* беше депутатът Е.М. [Перевод конца примера (6)].
- (38) Дядото му се струваше стар, като човек от друг век (той и беше *такъв*) [Перевод примера (8)].
- (39) И затова възникна необходимостта от качествено нови енергетични източници. *Такива* станаха атомните електростанции [Перевод примера (7)].

Как показват приведените примери, в двата разглеждани конструктива не се използва нито склоняема форма указателного местоимения, нито лично местоимение 3-го лица. Използват се по-специализирани местоимения, в основното, местоимение *такъв*, което, указвайки не на референциална идентичност, а по-скоро на идентичност по качество, като правило, се разглежда като нереперенциално. В предложенията за идентификация [вж. пример (37)] се използва изключително форма единствено число средного рода указателного местоимения *това* (ср. руското *это*, полското, чешкото и сръбското *то*), т.е. максимално неутрална форма, която в дадена функция не се съгласува с антецедентом и се явява като фактически несклоняема. Другими думами, що се касае предложенията за идентификация, в българския език липсва този избор между двата форми, които са характерни за руския, полския и чешкия език.

Ако разгледаме местоименията, т.е. основното указателно местоимение *този/той* и лично местоимение 3-го лица *той*, не се явяват като анафори антецедентов, указващи на несъществуваща единица или изпълняващи синтаксическа роля на характеризирания именного предиката, то това означава, че сфера референтности е ограничена от елементите на текстовия свят:

Сфера референтности

	<i>Елементи на дискурса</i>	<i>Елементи на текстовия свят</i>
Лично местоимение 3-го лица		+
Основното указателно местоимение		+

Тази особеност на българския език е безусловно свързана с друга негова особеност, а именно, с категорията определенности. В езиците, които се отличават с категорията определенности, и лично, и указателно местоименията се явяват ингерентно определенными. Определеността, разбираемо, не се съпада с референтността по отношение на елементите на текстовия свят, а по-скоро я предполага, т.е. пресупонира. По-точно определенными могат да бъдат само елементите на текстовия свят, но разликата между елементите на текстовия свят и елементите на дискурса в българския език не е граматическа по характер. Само по себе си разбираемо е, че българския език, който е загубил падежната система, не е свойствено граматическо изразяване на противопоставянето съществуващо/несъществуващо.

И така, сферите на референтности на двата основни анафорични местоимения се различават в руския, полския и сръбския език, а това са именно тези езици, за които е характерно задължително изразяване съществуващо/несъществуващо с помощта на падежната система, т.е. за които изразяването на тази противопоставянето има граматически статус. В чешкия и българския език, които са загубили изразяването на съществуващо/несъществуващо с помощта на падежната система (българският език отдавна, чешкият език сравнително скоро), сферите на референтности на съответните местоимения не се различават. Разликата между чешкия и българския език се обяснява

их сугубо специфическими грамматическими системами, в том числе наличием в болгарском языке категории определенности.

Таким образом, материал разных славянских языков подтверждает предложенную мною теорию о тесной взаимосвязи между различием сфер референтности двух основных анафорических местоимений и выражением значения существования/несуществования с помощью падежной системы. Этот параллелизм объясняется тем, что обе эти черты отражают грамматикализацию оппозиции существования/несуществования, которая лежит в основе различения элементов текстового мира и элементов дискурса. Представляется естественным, что отдельные процессы грамматикализации в одном и том же языке не происходят независимо друг от друга. Представленный материал служит примером *параллельной грамматикализации*, которую можно определить следующим образом. Если в каком-либо языке грамматикализуется семантическая оппозиция, то это отражается не только в одном, а скорее в нескольких формальных грамматических (морфологических и/или синтаксических) оппозициях одновременно. Это заключение носит типологический характер. Проведенное исследование свидетельствует о том, что в грамматических и типологических исследованиях следует глубже учитывать возможность параллельной грамматикализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. 1998 – Язык и мир человека. М., 1998.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1991 – Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1991.
- КОНСБЯ 1979 – Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Падучева Е.В. 1981 – Местоимение *это* с предметным антецедентом // Проблемы структурной лингвистики 1979. М., 1981.
- Падучева Е.В. 1982 – Значение и синтаксические функции слова *это* // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982.
- Падучева Е.В. 1985 – Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. 1995 – Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий. М., 1995.
- Шмелев А.Д. 1992 – Определенность/неопределенность в аспекте теории референтности // Бондарко А.В. (ред.). Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.
- Шмелев А.Д. 1996 – Референциальные механизмы русского языка. Tampere, 1996.
- Berger T. 1988 – Die transphrastische Verwendung des Anaphorikums *on* in der modernen russischen Standardsprache // J. Raecke (ed.). Slavistische Linguistik 1987, München, 1988.
- Berger T. 1991 – Überlegungen zur Deixis im Russischen // Hartenstein K., Jachnow H. (Eds.). Slavistische Linguistik 1990. München, 1991.
- Browne W. 1993 – Serbo-Croat // Comrie B., Corbett G.G. (Eds.). The Slavonic languages. London; New York, 1993.
- Geach P.T. 1962 – Reference and generality. New York, 1962.
- Nilsson B. 1982 – Personal pronouns in Russian and Polish. Stockholm, 1982.
- Nørgård-Sørensen J. 1992 – Coherence theory. The case of Russian. Berlin; New York, 1992.
- Nørgård-Sørensen J. 1997 – Russian nominal morphology: A hierarchy of semantic features // Jung-hanns U., Zybatow G. (Eds.). Formale Slavistik. Frankfurt-am-Main, 1997.
- Nørgård-Sørensen J. 1998a – Pronouns and their reference in Russian // Scando-Slavica, T. 44, 1998.
- Nørgård-Sørensen J. 1998b – Some aspects of pronominal reference in Russian and English // Korzen I., Herslund M. (Eds.). Clause combining and text structure. Copenhagen, 1998.
- Pisarkowa K. 1969 – Funkcje składowe polskich zaimków odmiennych. Wrocław, 1969.